

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Генерал де Голль, обычно писавший довольно старомодным и, пожалуй, чересчур соразмеренным, но всегда хорошим стилем, в своей речи в Брюневале¹ заговорил вдруг на том банально-сентенциозном языке, которым в свое время был известен полковник Казимир де ля Рокк: «Придет день, — изрек он, — когда огромная масса французов объединится вокруг Франции, отбросив бесплодную игру (вот оно что!) и перестроив неудачно сооруженное здание, в котором блуждает нация и деквалифицируется государство».

Оставим в покое эту нацию, «блуждающую в здании», котором в это же время «деквалифицируется государство», но позволим себе задать вопрос: ради чего станут французы объединяться? И что вы, например, скажете о национализации Парижско-нидерландского банка, против которого вы сами, господин генерал, выступали? Или о законе о социальном страховании? Или о чудовищном увеличении военных кредитов, которым мы обязаны вам? Или о производственных премиях, или о борьбе со спекуляцией? Или об указах о помиловании предателей, подписанных вами?

Барабанная дробь еще не есть программа.

Программа генерала де Голля — это та программа, которая подходит американским банкирам и «французским» трестам. Союз народа, который устранил эту маленькую кучку господ, можно будет назвать плодотворным союзом. «Объединение»², которое нападает на рабочий класс, в конце концов изгнало бы из правительства и республиканцев всех оттенков.

¹ Произнесенной де Голлем 30 марта 1947 г. (Прим. ред.)

² Имеется в виду Р.П.Ф. (Прим. ред.)

Ясно, что все «вожди» типа Буланже, полковника де ля Рокка, Петэна и де Голля обрушиваются прежде всего на самые демократические партии, и совершенно прав был Фажон, когда, отвечая на патетические заклинания Рамадье по поводу республики, якобы поставленной под угрозу забастовкой железнодорожников и рабочих газовой промышленности, он подчеркнул, что, когда республика переживает какой-нибудь кризис, первые удары обычно падают на крайне левых деятелей.

Тот, кто ставит ногу на край пропасти, уже находится на дне ее.

Уместно задать вопрос, разве условия, в которых де Голль в течение восемнадцати месяцев правил Францией, отличались чем-либо от условий, которых он хочет добиться в результате пересмотра конституции? Раз он держал в руках власть, о которой мечтало его честолюбие, то почему же он подал в отставку «накануне экономического кризиса, в самый разгар продовольственного кризиса, в момент, когда Франция совершенно теряет свой международный престиж?» — как писала газета «Эпок». Почему, «занимая такой блестящий пост, нужно бежать с поля боя январским утром, в тумане, как убегает с передовой измученный солдат?» — спрашивал Мюттер на страницах «Пароль франсэз». «Глава правительства сбежал; это значит, что он признает себя неспособным разрешить кризис», — заявляет газета «Орор».

Газеты «Пароль франсэз», «Орор» и «Эпок» в настоящее время преклоняются перед генералом больше, чем он сам, если только это возможно. Но факт все же остается фактом — после восемнадцати месяцев руководства правительством генерал де Голль неожиданно ушел в отставку, а сейчас требует себе власти, от которой он сам отказался. «Да, — говорит он, — но тогда меня связывали политические партии, я не мог...» Это значит, что «пересмотренная» конституция получит одобрение генерала лишь постольку, поскольку она даст ему возможность пренебречь политическими партиями и выражением народной воли. Так говорил генерал Буланже. Так говорил полковник де ля Рокк. Так говорил маршал Петэн.

Они не предлагали более справедливого распределения народного дохода, постоянного расширения и роста национального производства, прибыль от которого должна быть распределена в первую очередь между теми, кто увеличивает это производство, они предлагали... пересмотр конституции!

Таким образом, когда де Голль оказался перед необходимостью занять какую-то определенную позицию, — он занял самые реакционные позиции, самые устаревшие, самые ветхие.

Десять лет тому назад Комитет бдительности интеллигентов-антифашистов поручил мне проредактировать одну брошюру о замыслах полковника де ля Рокка и о происхождении его организации «Боевые кресты»; я ее только что перечитал какое злободневное произведение!

Кто призывает к созданию «ассоциации рабочих, преданных своему предприятию»? Де Голль? Нет, де ля Рокк. Кто же тогда превозносит идею, «чтобы на каждом предприятии или группе предприятий хозяева, инженеры, техники и рабочие почаще собирались, дабы сообща охранять интересы своей профессии»? Должно быть, де ля Рокк? Нет, Петэн А кто высказывает пожелание о создании «благородной и плодотворной ассоциации тех, кто предоставит в общее распоряжение внутри данного предприятия либо свой труд, либо свои технические знания, либо свои деньги»? Наверное, Петэн? Нет, де Голль.

Кто требует для президента республики неограниченных полномочий? Де Голль? Да, но также и де ля Рокк, вслед за Буланже.

* * *

Суммируем то, что мы сказали. Де Голль, честолюбец от рождения, безмерно гордый, воспитанный в реакционной среде, сын преподавателя колледжа иезуитов, наставника фашистских молодчиков, весьма уважаемый Шарлем Моррасом, сам себе предсказывает блестящее будущее. Он пишет об этом; он предвосхищает свой успех Он думает, что для этого потребуется «изрядная доза хитрости». Игра обстоятельств в течение нескольких лет смешивает его честолюбивые интересы с интересами

родины в опасности. Все прогрессивные силы страны поддерживают комитет де Голля, участвуют в правительстве, которое он формирует. Волей-неволей ему пришлось мириться с этим. Но он, вполне естественно, окружил себя кагулярами, монархистами, представителями тех банков и трестов, которые долгое время делали ставку на Петэна, а теперь переключились на де Голля.

Восстановление всеобщего избирательного права срывает тайные планы генерала. Тогда неожиданно, не объяснив никому причины, он уходит в отставку. Он появляется снова на политической арене уже как человек, отдавший на службу реакции свой престиж, приобретенный благодаря движению сопротивления, которое он, якобы, символизировал.. Под лозунгом реванша генерал Буланже служил монархистам; под знаменем Вердена Петэн служил врагу; прикрываясь знаменем движения сопротивления генерал де Голль служит поддерживающим его капиталистическим силам Франции и всего мира. Он был генералом де Голлем, приговоренным к смертной казни правительством Виши Сейчас он — генерал де Голль, председатель-учредитель Р.П.Ф., политический деятель правого крыла, которым он в глубине души, впрочем, был всегда. Что хочет доказать получающая поддержку от М.Р.П и управляемая Амори для вящей славы Р. П. Ф. газета «Каррефур», сопоставляя статьи из вишийских газет «Же сюи парту», «Жерб» и «Ожур-дюю», покрывающие де Голля площадной бранью, со статьями, в которых после освобождения Франции демократы подвергали критике действия председателя временного правительства? Может быть, то, что она не боится поставить в один ряд предателей, для которых генерал де Голль подписал столько указов о помиловании, и демократов-журналистов? Или что республиканцы изменились?

Нет, республиканцы не изменились Они всегда были верны интересам родины и республики, и они будут продолжать свою борьбу за демократию.

Мы смогли сделать лишь беглую зарисовку де Голля и его сообщников. Мы ничего или почти ничего не сказа-

ли о его деятельности как главы правительства. Мы ничего не сказали о роли Ватикана в политике де Голля и об аудиенции у папы, которой он добился еще до освобождения Рима. Мы не смогли, за недостатком места, перечислить ни все заговоры Д.Ж.Е.Р., ни все имеющиеся у нас доказательства существования «государства в государстве», которым является клика деголлевцев, о чем свидетельствует тот невероятный факт, что мошенник Пасси все еще остается безнаказанным. Но мы рассказали все же довольно много, и история достаточно богата уроками, чтобы французы знали, что им надо делать

«Знать, что Мак-Магон — это Мак-Магон, — писал Пеги, — одно это уже означает знать многое».

Достаточно было бегства Буланже, чтобы его республиканские противники объединились. Для распада заговорщических фракций достаточно объединения их противников. Буланже не имел прошлого; Петэн не имел будущего; у де ля Рокка не было ни прошлого, ни будущего; де Голлю создано прошлое, а международная обстановка сейчас очень серьезна. Тем более необходимо сейчас, для спасения Франции и республики, вновь создать такое объединение французского народа, из которого были бы исключены предатели, монополисты, банкиры... и «честолюбцы первого ранга».